

Министерство культуры Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
**«КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»**

**К 440-летию «Послания в Кирилло-
Белозерский монастырь»**

О.Г. Кузьмичева

Знаменитое «Послание в Кирилло-Белозерский монастырь» было написано Иваном Грозным в сентябре 1573 года. В этом году исполнится 440 лет со времени создания этого широко известного документа. Впервые послание было опубликовано[1] в 1812 году в Москве. О чем же писал царь в Кирилло-Белозерскую обитель в 1573 году?

Послание было написано в ответ на грамоту игумена и братии монастыря в связи с конфликтом между двумя влиятельными кирилловскими монахами – Ионой, в миру боярином Иваном Васильевичем Шереметевым, принявшим постриг в 1570 году, и Варлаамом, в миру Василием Степановичем Собакиным, которые были людьми совершенно различного статуса. Шереметев – выходец из старинного московского боярского рода, пользовавшийся большим влиянием ещё при предках Грозного и ввавшийся в немилость накануне опричнины[2], и Собакин – представитель одного из служилых родов, возвысившийся в годы опричнины, благодаря, в основном, женитьбе царя на представительнице этого рода Марфе Васильевне. Варлаам Собакин играл в Кирилло-Белозерском монастыре своеобразную роль царского уполномоченного, - Грозный иронически сравнивал его положение в монастыре с положением римского прокуратора Понтия Пилата: «понеже от царской власти послан»[3]. Руководство монастыря, очевидно, тяготилось присутствием Собакина и благоволило к Шереметеву. В 1573 году Собакины разделили участь многих родов, возвысившихся в годы опричнины: попали в опалу. Племянники Варлаама были обвинены в «чародействе» (колдовстве). Возможно, именно это обстоятельство и ободрило руководство монастыря, и они послали царю свою грамоту, порицая Собакина и заступаясь за Шереметева. Однако руководителям монастыря пришлось испытать разочарование: несмотря на свое недовольство Собакиными, Грозный не пожелал разделить благосклонность игумена Козьмы с братией к Шереметеву. «Варлаамовы племянники хотели меня с детьми чародейством извести, а Бог меня от них спас: их злодейство раскрылось, и из-за этого все и произошло», - пишет царь в монастырь. Мне за своих душегубцев мстить незачем. Одно только было мне досадно, что вы моего слова не послушались. Собакин приехал с моим поручением, а вы его не уважили, да еще и поносили его моим именем, что и рассудилось судом Божиим» [4].

С выражением глубочайшего уважения «господам и отцам» начинает царь своё послание: «В пречестную обитель Успения пресвятой и пречистой владычицы нашей Богородицы и нашего преподобного и богоносного отца Кирилла-чудотворца, священного христова полка наставнику, проводнику и руководителю на пути в небесные селения, преподобному игумену Козьме[5] с братиею во Христе царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси челом бьет. Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному!... А я, пес смердящий, кого могу учить и чему наставлять и чем просветить? Сам вечно в пьянстве, блуде, прелюбодеянии, скверне, убийствах, грабежах, хищениях и ненависти, во всяком злодействе...»[6], а заканчивает его строжайшим выговором за покровительство опальному боярину: «А впредь бы вы нам о Шереметеве и других нелепицах не докучали: мы отвечать не будем. Если вам благочестие не нужно, а желательно нечестие, то это дело ваше!»[7] Основания для беспокойства царю давало положение в монастыре монаха Ионы (Шереметева). Грозному стало известно, что опальный боярин, ставший «непогребенным мертвецом», продолжает владеть собственностью – держать при монастыре «особые годовые запасы». Царь негодует: «А ныне у вас Шереметев сидит в келье, словно царь, а Хабаров и другие чернецы к нему приходят и едят и пьют, словно в миру. А Шереметев, не то со свадьбы, не то с родин, рассылает по кельям пастилу, коврижки и иные пряные искусные яства, а за монастырем у него двор, а в нем на год всяких запасов. Вы же ему ни слова не скажете против такого великого и пагубного нарушения монастырских порядков. Больше и говорить не буду: поверю вашим душам! А то ведь некоторые говорят, будто и вино горячее потихоньку

Шереметеву в келью приносили,- так ведь в монастырях зазорно и фряжские вина пить, а не только что горячие. Это ли путь спасения, это ли иноческая жизнь?»[8]

Грозный подчеркивает, что принимающий монашеский постриг должен отречься от всего мирского, отрезать вместе с волосами «и унижающие суетные мысли». Сословные и имущественные различия исчезают - ведь перед Богом все равны. Царь напоминает, что на Страшном Суде государей будут судить «двенадцать скромных людей ...рыболовы будут сидеть на двенадцати престолах и судить всю вселенную» [9]. Достоинство монаха, по мнению Грозного, в свободе от всего мирского, которая проявляется не только в отказе от сословных и имущественных различий, но и в невмешательстве в дела мира. Спор приобретал, таким образом, принципиальный характер: речь шла уже не об одном Шереметеве, а о монастырском хозяйстве в целом. «Милые мои! – писал Грозный в послании, - до сих пор Кириллов монастырь прокармливал целые области в голодные времена, а теперь, в самое урожайное время, если бы вас Шереметев не прокормил, вы бы все с голоду перемерли...»[10]. Одновременно царь напоминает об аскетических иноческих идеалах: «До сих пор в Кириллове лишней иголки с ниткой не держали, а не только других вещей...»[11], подчеркивает прежний суровый образ жизни кирилловской братии: «Мы еще в детстве слышали, что таковы были крепкие правила и в вашем монастыре, да и в других монастырях, где по-божественному жили»[12].

Грозный противопоставляет преподобного Кирилла Белозерского боярину Шереметеву. Он говорит, что Шереметев вошел со «своим уставом» в монастырь, живущий по уставу Кирилла: «Как могу я, нечистый и скверный и душегубец, быть учителем, да еще в столь многмятежное и жестокое время? Пусть лучше Господь Бог, ради ваших святых молитв, примет мое писание как покаяние. А если хотите, есть у вас дома учитель, великий светоч Кирилл, гроб которого всегда перед вами и от которого всегда просвещаетесь, и великие подвижники, ученики Кирилла, а ваши наставники и отцы по восприятию духовной жизни, вплоть до вас, и устав великого чудотворца Кирилла, по которому вы живете. Вот у вас учитель и наставник, у него учитесь, у него наставляйтесь, у него просвещайтесь, будете тверды в его заветах, да и нас, убогих духом и бедных благодатью, просвещайте, а за дерзость простите, Бога ради»[13]. Грозный укоряет монахов: «А бояре, придя к вам, ввели свои распутные уставы: выходит, что не они у вас постриглись, а вы у них; не вы им учителя и законодатели, а они вам», «а у вас дали сперва Иоасафу Умному оловянную посуду в келью....., а Шереметеву – отдельный стол, да и кухня у него своя. Дашь ведь волю царю – надо и псарю...», язвительно предлагает: «Да Шереметева устав добр, держите его, а Кириллов устав не добр, оставьте его»[14] и наставляет «...так и вам подобает следовать великому чудотворцу Кириллу, крепко держаться его заветов и бороться за истину, а не быть бегунами, бросающими щит и другие доспехи, - наоборот, возьмитесь за оружие Божье, да не предаст никто из вас заветов чудотворца за серебро, подобно Иуде или, как сейчас, ради удовлетворения своих страстей»[15].

Не оставляет в покое царь и уже умерших к 1573 году лиц. Так, он недоволен по поводу возведения над гробницей князя Владимира Ивановича Воротынского[16] церкви. «А вы над гробом Воротынского поставили церковь! Над Воротынским-то церковь, а над чудотворцем нет. Воротынский в церкви, а чудотворец за церковью! Видно, и на Страшном суде Воротынский да Шереметев станут выше чудотворца: потому что Воротынский со своей церковью, а Шереметев со своим уставом, который крепче, чем Кириллов»[17], ибо только царской власти подобает воздавать честь церковью, покровом и гробницей, а для Воротынского это образец гордости и высокомерия.

Обращаясь к прежним крепким монастырским нравам Грозный мастерски рисует бытовые картинки. Он вспоминает, как в юности приехал в Кириллов монастырь[18] и опоздал к

ужину «из-за того, что у вас в Кириллове в летнюю пору не отличить дня от ночи, а также по юношеским привычкам. А в то время помощником келаря был...Исайя Немой. И вот кто-то из тех, кто был приставлен к нашему столу, попросил стерлядей...или иной рыбы»[19]. Ни царю, ни его окружению в монастыре нежелали сделать исключения в виду строгих монастырских порядков: «...а сейчас ночь – взять негде. Государя боюсь, а Бога надо больше бояться»[20], - ответил Исайя. Помня об этом, царь с похвалой отзывается о давних строгих порядках в Кириллове монастыре. Вспоминает царь и другую поездку[21] в монастырь, во время которой он собирался постричься в монахи: «...некогда случилось мне прийти в вашу пречестную обитель пречистой Богородицы и чудотворца Кирилла и как совершилось по воле провидения, по милости пречистой Богородицы и по молитвам чудотворца Кирилла, я обрел среди темных и мрачных мыслей небольшой просвет света Божия и повелел тогдашнему игумену Кириллу с некоторыми из вас, братия, тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился, уйдя от мирского мятежа и смятения и обратившись к вашей добродетели... И в долгой беседе я, грешный, открыл вам свое желание постричься в монахи и искушал, окаянный, вашу святость своими слабыми словами. Вы же мне описали суровую монашескую жизнь. И когда я услышал об этой Божественной жизни, сразу же возрадовались мое скверное сердце с окаянной душою, ибо я нашел узду помощи Божьей для своего невоздержания и спасительное прибежище. С радостью я сообщил вам свое решение: если Бог даст мне постричься в благоприятное время и здоровым, совершу это не в каком-либо ином месте, а только в этой пречестной обители пречистой Богородицы, созданной чудотворцем Кириллом»[22].

«Спасительное пристанище для душ», «последнее светило, сияющее как солнце», «самое пустынное место»[23], так пишет царь об обители, однако, имея в виду не современный монастырь, а тот, который он запомнил в юности. Эти воспоминания, затрагивающие струны его души, придали посланию поразительную искренность и горячую убежденность в своей правоте. «Надо молиться на четках не по скрижалям каменным, а по скрижалям сердец человеческих!»[24] - восклицает Иван Грозный.

Удивительно конкретное и образное «Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь» 1573 года стало частью его литературного наследия. Недаром академик Д.С. Лихачев отмечал: «Это – по-настоящему русский писатель. Смелый новатор, изумительный мастер языка, то гневный, то лирически приподнятый, мастер «кусательного стиля, всегда принципиальный, всегда «самодержец всея Руси», пренебрегающий всякими литературными условностями ради единой цели – убедить своего читателя, воздействовать на него – таков Грозный в своих произведениях».

О.Г. Кузьмичева, экскурсовод

[1] Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. Ч.IV. М. 1812.

[2] Шереметев Иван Васильевич, боярин, видный государственный деятель XVI века. В 1563 г. подвергся опале Ивана Грозного. Последние семь лет своей жизни (1570 – 1577) был иноком Кирилло-Белозерского монастыря, в который сделал многочисленные вклады. Умер 27 мая 1577 г. и похоронен «у большой паперти, на левой стороне».

[3] Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Репринтное воспроизведение издания 1951 года. С.-Петербург. Наука. 2005. С. 355.

[4] Там же. С.362.

[5] Игумен Козьма определён в Кирилло-Белозерский монастырь 2 сентября 1572 года, а 29 декабря 1581 года хиротонисан в архиепископа Казанского.

[6] Там же. С. 351. Возможно, эти строки в несколько сжатом виде, были прекрасно обыграны в сцене фильма «Иван Васильевич меняет профессию», когда под диктовку царя дьяк посольского приказа пишет некий документ (*прим. автора*).

[7] Там же. С. 369.

[8] Там же. С. 362.

[9] Там же. С. 365.

[10] Там же. С. 362.

[11] Там же. С. 367.

[12] Там же. С.368.

[13] Там же. С.352.

[14] Там же. С. 356.

[15] Там же. С. 355.

[16] Князь В.И. Воротынский, воевода, участник казанских походов 1545 – 1552 гг., умер 27 сентября 1553 года в ссылке в Кирилло-Белозерском монастыре. В 1554 г. в монастыре у северной стены Успенского собора над могилой В.И. Воротынского на вклад его вдовы Марии Ивановны была построена церковь во имя святого Владимира, ставшая в дальнейшем родовой усыпальницей князей Воротынских.

[17] Там же. С.357.

[18] Первый приезд в Кирилло-Белозерский монастырь Ивана Васильевича в 1545 году во время игуменства о. Афанасия (1539 – 1551).

[19] Там же. С. 362.

[20] Там же.

[21] Грозный указывает, что случилось это во время игуменства Кирилла II (1564 – 1572). В эти годы царь посещал монастырь дважды – в декабре 1565 г. и весной 1567 г.

[22] Там же. С. 352.

[23] Там же. С.361.

[\[24\]](#) Там же. С. 368.